Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. No 3 | ISSN: 2658-7734
Network: Connection, Resonance, Control | https://doi.org/10.46539/gmd.v7i3.592

The Era of Messengers: How Compensatory Communication Helps Overcome Challenges of Total Digitalization (the Sociological Research)

Vladimir I. Gladyshev[1], Elvira M. Valeeva[2] & Liudmila I. Belova[3]

South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk, Russia

Received: 11 November 2024 | Revised: 10 February 2025 | Accepted: 17 February 2025

Abstract

Scientists consider communication and loneliness that arise at the mental level as global problems of our time. The article analyzes one of the most common modifications of compensatory communication today – communication in instant messengers and social networks, with the help of which the transformed communicative needs of individuals are satisfied. One of the key objectives of the study was to determine the extent to which real interpersonal contacts are being replaced by virtual communication among schoolchildren, college students, and university students. For this purpose, an analysis was carried out of the connection between real and virtual space, namely, of the respondents' social circle and the frequency of their interactions in the real and virtual world. The results of the study show that online communication among the group under consideration is carried out in a mode of direct compensation and does not have a harmful effect on their communication environment. When used judiciously, it is neither a placebo nor a panacea for loneliness, although it would be a mistake to eliminate such a risk.

Keywords

Digitalization; Digital Technologies; Messengers; Social Networks; Virtual Communication; Compensatory Communication; Compensatory Processes; Loneliness; Digital Reality; Online Communication

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: gladyshevvi[at]susu.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-84-31-125X
2 Email: valeevaem[at]susu.ru ORCID https://orcid.org/0009-0003-0081-5998
3 Email: belova2005[at]inbox.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8852-4703

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. No 3 | ISSN: 2658-7734
Сеть: связь, резонанс, контроль | https://doi.org/10.46539/gmd.v7i3.592

Эпоха мессенджеров: как компенсаторное общение помогает преодолеть вызовы тотальной цифровизации (по материалам социологического исследования)

Гладышев Владимир Иванович[1], Валеева Эльвира Мавлитовна[2], Белова Людмила Ивановна[3]

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, Россия

Рукопись получена: 11 ноября 2024 | Пересмотрена: 10 февраля 2025 | Принята: 17 февраля 2025

Аннотация

Общение и одиночество, возникающие на ментальном уровне, рассматриваются учеными как глобальные проблемы современности. В статье анализируется одна из наиболее распространенных сегодня модификаций компенсаторного общения — общение в мессенджерах и социальных сетях, с помощью которого удовлетворяются трансформированные коммуникативные потребности индивидов. Одной из ключевых задач исследования стало определение степени замещения реальных межличностных контактов у школьников, учащихся колледжей и студентов вузов виртуальным общением. Для этого был проведен анализ связи реального и виртуального пространства, а именно – круга общения респондентов и частоту их взаимодействий в реальном и виртуальном мире. Результаты исследования показывают, что общение в сети среди рассматриваемой группы молодежи осуществляется, как правило, в режиме прямой компенсации. Она не деформирует их коммуникативные потребности и не оказывает вредоносного влияния на их коммуникативный мир. При разумном использовании оно осуществляется в режиме гомеостазиса, реально гармонизирует сферу общения личности и не является ни плацебо, ни панацеей от одиночества.

Ключевые слова

цифровизация; цифровые технологии; мессенджеры; социальные сети; виртуальное общение; компенсаторное общение; компенсаторные процессы; одиночество; цифровая реальность; онлайн-коммуникация

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

1 Email: gladyshevvi[at]susu.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-84-31-125X
2 Email: valeevaem[at]susu.ru ORCID https://orcid.org/0009-0003-0081-5998
3 Email: belova2005[at]inbox.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8852-4703

Вместо введения. Компенсаторное общение в современном мире

Компенсаторные процессы чрезвычайно широко распространены. Они обнаруживают себя на всех уровнях бытия (Гладышев, 1999, с. 62–78). Отдельные их проявления исследовались представителями биологии, медицины, психологии, истории и так далее. В границах философского знания они разрабатывались И. Риттером, Г. Люббе, О. Марквардом. Применительно к культуре Модерна, утверждали они, возникает насущная необходимость уравновешивать стремительные изменения сопровождающие процессы модернизации, зачастую утрачивающие связь с традицией и перегруженные рациональными составляющими. Как неполноценное существо – *Homo Compensator*, вынужденное постоянно возмещать свои недостатки, рассматривала человека философская антропология Модерна. Делались попытки наделить понятие «компенсация» статусом философской категории. (Marquard, Ritter & Gründer, 1976, p. 912–918).

Применительно к нашему исследованию указанная категория интересует нас исключительно в контексте социально-философского знания. Важнейшую задачу гармонизации социокультурной среды, включая коммуникативный мир людей прерывая монотонность повседневности, выполняют официально признанные праздники и ритуалы праздничного общения, уравнивающие на краткое время представителей всех возрастных и социальных групп. Они на время смягчают противоречия социального, имущественного, возрастного и прочего расслоения общества. (Жигульский, 1985, с. 336). Аналогичную роль играет такое состояние общества, которое известный английский этнограф и социолог Виктор Тэрнер называл «коммунитас» (1983, с. 277). «Коммунитас» – состояние противоположное «структуре», это состояние «перехода», перемены статуса личности, оно не подлежит строгой регламентации поведения, включая сюда и коммуникативное поведение. Прежде чем повысить свой статус и занять привилегированное положение в группе, человек должен пережить полное бесправие и даже зависимость от тех, кто в обозримом будущем окажется в зависимости от него. В коммунитас осуществляются отношения между людьми, невозможные в повседневной жизни. В нем, например, социальные «верхи» и «низы» меняются местами. Отношения, господствующие в коммунитас, временно элиминируют привычные проявления неравенства между людьми. Общение в указанных формах опирается на целенаправленно формирующийся *компенсаторный фонд*.

Этот фонд постоянно обновляется. Обновление фонда происходит, в том числе, за счет творчества самых широких слоев населения – творчества «доброго» и «злого», созидательного и разрушительного (Вышеславцев, 1992, с. 399–400). Это «вторичная компенсация» за пределами сложившегося фонда.

Складываясь по принципу дополнительности, она способствует гармонизации социальных процессов, в том числе восполнению недостающих компонентов общения: деятельностно-волевых, интеллектуально-гностических, эмоциональных. Исходя из этимологии латинского термина *compensare* (уравновешивать, возмещать) очевидно, что в нашем случае речь идет об общении, способном осуществлять функции возмещения утраченного, уравновешивание того, что утратило равновесие. Рассматривая конкретные ситуации социальных взаимодействий подобного рода за пределами этимологии, логично использовать понятие «восполнение». Кроме того, в них может присутствовать не только возмещение, но и замещение самого неудовлетворяющего личность общения иными формами деятельности и взаимодействия. По своим результатам социально-коммуникативные процессы могут носить как реальный, так и иллюзорный, мнимый характер. В результате ее осуществления происходит процесс *декомпенсации*, то есть желаемое равновесие достигается ценой деградации личности, перехода на более низкую ступень ее системности и целостности. Если речь идет об *иллюзорном* восполнении недостающих компонентов потребности в общении личности, то она сопровождается социально значимыми потерями в структуре ее связей с окружающими. Наиболее социально значимой метаформой гармонизирующего общения выступает *сверхкомпенсаторное общение*. Оно способствует личностному росту субъектов общения.

Указанные метаформы (декомпенсаторная и сверхкомпенсаторная) не укладываются в концепцию гомеостазиса. В этом состоит специфика нашего подхода к рассматриваемым процессам (Гладышев, 1999, с. 292). Здесь уместно говорить о гетеростазисе, о бифуркационных процессах. Но имеется и третья, маргинальная по отношению к двум предыдущим, метаформа. Она является наиболее распространенной и основывается на принципе дополнительности. Третья метаформа не производит радикальных преобразований в коммуникативном мире личности, в ее ценностях и интересах, носит адаптивный характер по парадигме гомеостазиса.

Анализируя структуру общения целесообразно различать *общение вплетенное в предметную деятельность*, выступающее в качестве подсистемы и необходимого условия осуществления предметной деятельности и *общение как вид деятельности*, осуществляющееся ради тех ценностей, которые в нем (общении) заключены. Компенсаторную функцию может выполнять и «вплетенное» общение и «общение ради общения». Только в первом случае указанная функция реализуется «попутно», во втором она является генеральной. Главная задача подобного общения восполнение тех компонентов общения, которые остаются нереализованными во «вплетенном» общении. На протяжении столетий преодоление деформаций в сфере общения осуществлялось, в форме непосредственных, достаточно однотипных контактов «лицом к лицу». Это, например, праздничное и зрелищное общение. В техно-

генном обществе арсенал средств преодоления деформаций в сфере общения значительно расширился, в том числе за счет использования мессенджеров. Особенно заметную роль они стали играть в молодежной среде. Этому способствовал целый комплекс причин. Наиболее широко общение, гармонизирующее коммуникативный мир личности, представлено в неформальных молодежных объединениях. Здесь легко установить наличие всех трех метаформ рассматриваемого нами общения: сверхкомпенсаторное, декомпенсаторное, собственно компенсаторное. Основными мотивами вхождения молодежи в эти группы сегодня зачастую выступают следующие коммуникативные потребности: потребность в определенной информации, в самоутверждении, в эмоциональном насыщении. Указанные метаформы могут переходить друг в друга, могут достигать высокого уровня социальной значимости и быть использованы для всестороннего развития личности. Практика показывает, что все большую роль в социальной жизни приобретает сверхкомпенсаторное общение, входящее, например, в состав волонтерства. По мере того, как происходило развитие и распространение контактов при помощи инструментальных средств общения, арсенал средств восполняющих повседневное общение стал расширяться. Все чаще возникают симбиозные формы, синтезирующие реальное и виртуальное общение.В виртуальном пространстве обнаружились немыслимые прежде возможности общения, выполняющего функцию саморегуляции коммуникативной сферы. Благодаря современным мессенджерам общение в неформальных молодежных объединениях приобретает предельно широкие масштабы. Круг виртуального общения спортивных и музыкальных фанатов несопоставим с кругом общения их предшественников конца прошлого столетия. Общение, например, геймеров (MMORPG), носящее массовый характер, легко по многим параметрам может соперничать с массовым зрелищным общением, а в чем-то даже и превосходить его (Гладышев, 2022, с. 63–81). Таким образом, новое средство связи породило и новые способы саморегуляции общения, носящего массовый характер. Будучи вплетено в традиционные формы саморегуляции повседневного общения, оно многократно усиливает их.

Таким образом, изучая общение в условиях тотальной цифровизации, важно максимально освободиться от двух противоположных мировоззренческих позиций: от безудержного восторга по ее поводу, как и от ревнивого поиска негативных последствий. Преодоление указанных крайностей возможно с позиций антиномического подхода. Антиномизм как методологический прием представляет собой специфический способ работы с противоположностями. Исследователь не пытается ликвидировать, – выражаясь гегелевским языком, «снять» – противоречие. Антиномический синтез подобен бабочке, которая непрерывно осуществляет свободное «витание» над двумя цветками, не отдавая ни одному из них предпочтения. В антиномическом суждении выражается парадоксальный принцип: *«и то и другое»*, *«ни то и*

не другое». Таково главное содержание метода антиномического монодуализма, разрабатываемого в XX столетии отечественным мыслителем Л. С. Франком. Этот метод весьма успешно применялся Франком при исследовании Я-Ты отношения (общения), которое он трактовал вполне антиномически как единство *«раздельности и взаимопроникновения»*. Антиномическая модель постижения реальности широко использовалась представителями русской религиозной философии: П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым, Н. О. Лосским, Н. А. Бердяевым. Антиномическое мышление в последние десятилетия переживает свой Ренессанс. Антиномическая методология используется при исследовании культуры и антикультуры, деструктивного сознания, мудрости и безумия, афоризмов, научного мышления и так далее и тому подобное. В указанных исследованиях, безусловно, проявлена специфика трактовок антиномизма различными авторами. Но это предмет специального исследования. Что касается нас, то мы будем ориентироваться на концепцию антиномизма представленную С. Л. Франком, как первому исследователю, применившему ее к анализу общения, при этом с величайшей степенью проницательности.

Таким образом, целью нашей работы стало всестороннее исследование компенсаторного общения, а именно общение в онлайн-пространстве, с помощью которого удовлетворяются трансформированные коммуникативные потребности индивидов. Реализация цели предполагается через решение следующих задач: определить степень замещения реальных межличностных взаимодействий виртуальными, в частности, взаимодействиями в социальных сетях; выявить основные мотивы использования социальных сетей и мессенджеров; установить основные риски, связанные с межличностными взаимодействиями в виртуальном пространстве.

Материалы и методы

Данная статья базируется на результатах социологического исследования, проведенного авторами в период с января по февраль 2023 года среди жителей города Челябинска. Челябинск можно отнести к типичным городам с населением более 1 миллиона жителей; соответственно, результат социологических замеров можно экстраполировать на общероссийское население. В ходе исследования было опрошено 300 респондентов, что составляет 0,11% от общей численности городской молодежи, возраста 14-25 лет, (по данным Челябинскстат на 1 января 2023 г.)[1]

Выборка квотная. Большая часть ответов была собрана посредством онлайн-анкетирования на платформе Google Forms. Все респонденты были проинформированы о целях исследования и подтвердили свое желание сотрудничать. Анализ первичных социологических данных проводился

1 *Население*. (б. д.). Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. https://74.rosstat.gov.ru/population

в программе Vortex. В ходе обработки результатов использованы методы описательной статистики и многомерного распределения характеристик, а в некоторых случаях проводились расчеты корреляционных коэффициентов между различными признаками.

Методологическими и общетеоретическими основами статьи послужили работы, посвященные анализу социальных компенсаторных процессов А. Адлера, О. Маркварда, В. И. Гладышева, а также диалектика в самом широком смысле слова, включая принцип антиномического монодуализма С. Л. Франка.

Общение в эпоху цифровизации: взгляд через социально-философскую и гуманитарную оптику

Тема общения в философской науке наиболее интенсивно разрабатывается с первой трети XX века (Бубер, 1922; Франк, 1930). Толчок к развитию философии общения был дан Людвигом Фейербахом. Мартин Бубер считал его, в определенной степени, своим учителем. Параллельно с философией общение исследовала социальная психология (Андреева & Яноушек, 1987; Бодалев, 1983; Парыгин, 1999).

Ученые считают общение и одиночество глобальными проблемами современного человека.

Примерно в средине XX века, в связи с научно-технической революцией, учеными высказывалась озабоченность по поводу того, что человек в автоматизированных цехах и различных кабинах (камерах) все чаще остается «наедине с техникой». Он лишен традиционного общения и связан с другими людьми при помощи инструментальных средств. (Кузнецов & Лебедев, 1972,). Возникало предположение о том, что либо такое производственное общение деформирует традиционное коммуникативное поведение личности и нуждается в интенсивной компенсации в сфере досуга, либо происходят существенные изменения в структуре потребности в общении.

Современная коммуникативная ситуация в чем-то существенно отличается от пред предыдущей – прежде всего, обилием компенсаторных средств и своеобразным творчеством населения, главным образом молодого, в деле создания новых модификаций компенсаторного общения. Кроме того, все контактные формы компенсаторного общения находятся в неразрывной связи с виртуальными контактами. Можно сказать, что они представляют собой единое целое.

Говоря о трансформации общения в эпоху цифровизации, важно уточнить, что мы понимаем под последней. Цифровизация, в узком смысле, означает преобразование информации в новый, цифровой формат (Жукова & Крюков, 2022, с. 122); в более широкой трактовке цифровизация становится глобальным трендом, охватывающим все сферы жизни: производство, бизнес, науку, социальные отношения и повседневную жизнь людей. При этом

результаты цифровизации доступны пользователям преобразованной информации, среди которых в том числе и рядовые граждане (Халин & Чернова, 2018, с. 46–47).

Современная цифровая социальная реальность требует уточнения ряда социологических концепций (концепций сетевого общества, общества риска и других) (Кибакин & Гришаева, 2019, с. 4–9). О месте человека новом цифровом мире ведутся дискуссии среди философов, педагогов, социологов. Например, Л. А. Василенко и Н. Н. Мещерякова рассматривают особенности становление экономики суперумного общества 5.0 и предпринимают попытку составить социологический портрет человека цифровой цивилизации – *Homo digitals* (2021, с.87–96). Важнейшим направлением в исследованиях социологии цифрового общества являются гуманитарные аспекты цифровизации, например, изучение актуального коммуникативного дискурса пользователей Интернета, опирающееся на этические основания теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса (Гостев & Белоус, 2019).

Продолжая направление гуманитарных исследований цифровизации, представляется важным рассмотреть, как реализуется компенсаторная функция общения в цифровом пространстве.

Мессенджеры и социальные сети против одиночества: плацебо или панацея?

Компенсаторное общение направлено на преодоление, или хотя бы смягчение, одиночества в его основных измерениях: космическом, социальном, культурном и межличностном. Строго говоря, полностью изжить одиночество невозможно. Одиночество – это не отсутствие контактов, а их неполнота, их неудовлетворительное качество.

Одним из важных методологических принципов теоретического размышления в данной главе выступает принцип антиномического монодуализма применительно к сетевому общению. Размышляя о том, выступают ли мессенджеры и социальные сети в качестве плацебо или панацеи против одиночества, мы попытаемся использовать принцип антиномического монодуализма: «и то и другое, не то и не другое».

Важно также наметить, при каких условиях возникают декомпенсаторное и сверхкомпенсаторное общение, способствующее возрастанию степени целостности личности. Последняя тема должна быть предметом специального анализа.

В условиях тотальной цифровизации общества человек находится под постоянным влиянием технологий. Трансформируется средства коммуникации, познавательные возможности человека, появляются новые способы взаимодействия с окружающими. По Маклюэну, переход от одного медиа к другому ускоряет коммуникативные процессы, усиливает функцию коммуникации, что приводит к социокультурным изменениям (2003). Так, с появле-

нием Интернета произошли кардинальные изменения во многих сферах жизнедеятельности людей. По Кастельсу, возникновение и распространение Интернета обусловлено взаимодействием четырех культур, каждая из которых внесла в его создание и совершенствование определенный вклад (2004, с. 156-161). Кастельс определял Интернет как средство коммуникации, *особенно важное для поддержания «слабых» связей*. Забегая вперед, следует сказать, что это свойство Интернета было убедительно подтверждено нашим исследованием.

В современном обществе межличностные взаимодействия чаще всего осуществляются в социальных сетях и мессенджерах. Виртуальные взаимодействия посредством социальных сетей способствуют увеличению количества межличностных контактов, экономят время и энергию, что особенно привлекает учащуюся молодежь.

Согласно статистическим данным и результатам исследований, самыми активными пользователями социальных сетей являются молодые люди студенческого и школьного возраста, которые используют их для межличностной коммуникации. Большая вовлеченность молодежи в виртуальные социальные сети позволяет говорить о наличии риска замещения реальных взаимодействий виртуальными, что может привести к трудностям во взаимопонимании, а также деградации навыков разрешения конфликтных ситуаций, вследствие легкого прерывания контактов в виртуальных социальных сетях.

Для более глубокого изучения специфики виртуальных коммуникаций и межличностного общения молодежи нами было проведено социологическое исследование. Вполне логично, что в связи с расширением технологических возможностей виртуальных взаимодействий у молодых людей становится больше число социальных контактов.

Мир за экраном: анализ мотивов использования социальных сетей и мессенджеров

Одной из задач нашего исследования был анализ мотивов использования социальных сетей и мессенджеров. Для этого необходимо узнать цели их использования, важность предоставляемых социальными сетями и мессенджерами функций, причину регистрации в социальных сетях и мессенджерах, а также оценить активность респондентов в виртуальной среде. Цифровая среда открывает для молодежи широкие возможности виртуальной коммуникации и конструирования собственной идентичности посредством перманентной ауторепрезентации в информационном поле (Черных и др., 2019, с. 183). Однако из всех функций, которые предоставляют социальные сети и мессенджеры, в целом наиболее значимыми оказались информационные и коммуникативные, а именно, получение информации и общение с друзьями и знакомыми (Таблица 1).

Table 1. Reasons for using social networks and messengers*

Таблица 1. Причины использования социальных сетей и мессенджеров*

Причины	**Число ответивших**	**% от числа ответивших**
Можно всегда оставаться на связи	194	65,10
Дают возможность общаться с друзьями и родственниками на расстоянии	191	64,09
Позволяют оставаться в курсе событий	152	51,01
Помогают скоротать время на скучных занятиях	94	31,54
Позволяют расслабиться после учёбы	91	30,54
Помогают избежать одиночества	41	13,76
Легче найти единомышленников	16	5,37
Помогают добиться успеха и популярности	11	3,69
Помогают подать себя в выгодном свете для окружающих	–	–
Итого:	298	265,10

*Multiple answer choices are possible
*Возможен выбор нескольких вариантов ответа

Примерно равная доля респондентов отмечает, что они позволяют всегда оставаться на связи и дают возможность дистанционно общаться с друзьями и близкими (65,10% и 64,09% соответственно). Нельзя не учитывать, что в положение «можно всегда оставаться на связи» «вплетена» антиномия. Всегда находиться на связи одновременно есть и благо, и обременение. Это легко обосновать, если порассуждать на эту тему подробней. Половина респондентов отметила, что социальные сети и мессенджеры удовлетворяют информационные потребности, позволяя всегда оставаться в курсе событий (51,01%). Практически треть респондентов отметили в качестве причин рекреативные возможности социальных сетей и мессенджеров, которые позволяют им скоротать время на скучных занятиях (31,54%) и расслабиться после учебы (30,54%). Практически никто из респондентов не использует социальные сети и мессенджеры для того, чтобы найти единомышленников, а также добиться успеха и популярности. Таким образом, отсутствует мотив компенсаторного самоутверждения.

Полученные данные также подкрепляются и ответами респондентов разной возрастной категории. Для респондентов от 19 до 24 лет более важна возможность дистанционного общения с родственниками и друзьями (37,65%), чем для младшей возрастной категории (22,06%). Также эта причина является наиболее значимой по сравнению с остальными причинами среди данной возрастной категории. У младшей же возрастной категории преобладают такие рекреативные причины, как возможность скоротать время на скучных занятиях

(76,47%). Следовательно, восполняется (компенсируется) эмоциональная составляющая общения. У респондентов от 19 до 24 лет данная причина выражена в меньшей степени (53,70%).

Важно рассмотреть, с какими целями респонденты заходили в социальные сети и мессенджеры в последний раз (Таблица 2). Чуть более половины респондентов последний раз посещали социальные сети и мессенджеры с целью пообщаться с друзьями или родителями (54,42%), примерно четверть респондентов заходили решить вопросы по учебе или работе (23,81%).

Table 2. Purpose of the last visit to the social network/ messenger depending on the place of study, in % of the number of respondents

Таблица 2. Цель последнего посещения социальной сети / мессенджера в зависимости от места обучения, в % от числа ответивших

Цели	В целом по массиву:	Место обучения		
		Школа	Ссуз	Вуз
Пообщаться с друзьями/родителями	54,42	46,94	53,52	60,80
Решить вопросы по учебе/работе	23,81	23,20	16,90	29,59
Посмотреть новостную ленту	7,14	10,43	11,27	4,00
Проверить почту	6,80	6,20	9,86	3,20
Добавить фотографии	2,38	–	–	2,41
Посмотреть, что нового у знакомых	2,04	–	8,45	–
Расслабиться	2,04	9,15	–	–
Посмотреть фильм	1,36	4,08	–	–
Поставить лайки на фото/видео друзей	–	–	–	–
Выразить свое мнение о чем-либо в комментариях	–	–	–	–
Итого:	100,00	100,00	100,00	100,00

Основными целями респондентов в целом являются общение с друзьями и получение информации по учебной или рабочей деятельности. Близкими к основным целям являются прослушивание музыки и желание узнать новости. Менее важны такие цели, как чтение постов блогеров и просмотр профилей друзей, а также публикация видео и фотографий. Наименьшая же доля респондентов использует социальные сети и мессенджеры с целью выразить свое мнение в постах/комментариях. Чтение постов блогеров для старшеклассников является более распространенной целью, нежели для остальных групп респондентов.

Таким образом, относительно целей использования можно сделать вывод, что социальные сети и мессенджеры чаще всего используются для общения

с друзьями и близкими и получения информации по учебе или работе, а реже – для выражения мнения и построения идентичности.

Получение необходимой информации по учебе и работе не содержит в своем составе компенсаторного общения как специфической деятельности. Это общение, «вплетенное» в предметную деятельность (в познавательную деятельность). Здесь скорее можно говорить о компенсаторной функции, выполняемой мессенджерами, нежели о компенсаторном общении.

Виртуальные горизонты: пути освоения молодежью онлайн-пространства

В рамках нашего исследования мы оценивали активность респондентов в виртуальном пространстве. Для этого мы проанализировали частоту совершения различных действий в виртуальной среде молодежью (Таблица 3).

Исходя из данных таблицы, чаще всего респонденты переписываются в чатах, слушают музыку и читают новости. Реже других групп слушают музыку учащиеся колледжей, а новости читают реже школьники. Учащиеся ссузов реже остальных групп публикуют посты, фотографии и видео, а также просматривают их у друзей, но при этом чаще, чем школьники, читают новости. Редко респонденты публикуют фотографии, видео и посты, а реже всего респонденты используют социальные сети для игр. Говоря о последнем, стоит всё же отметить, что школьники делают это не так редко, как остальные группы респондентов. Можно предположить, что у этой возрастной группы выше потребность *в компенсаторном самоутверждении* в процессе виртуальной состязательности.

Table 3. Frequency of certain actions in social networks/ messengers depending on the place of study, indexes*

Таблица 3. Частота совершения определенных действий в социальных сетях /мессенджерах в зависимости от места обучения, индексы*

Действия	В целом по массиву	Место обучения		
		Школа	Ссуз	Вуз
Переписываюсь в чатах	1,24	0,91	0,99	1,65
Слушаю музыку	0,84	1,20	-0,15	1,12
Читаю новости	0,82	0,50	0,92	1,02
Смотрю фото и видео друзей	0,36	0,17	0,03	0,69
Публикую фотографии и видео	-0,48	-0,60	-1,08	-0,05
Публикую посты	-0,79	-0,82	-1,25	-0,50
Общаюсь по видеосвязи	-0,82	-0,55	-1,18	-0,82
Играю в игры	-1,18	-0,99	-1,30	-1,25

*Индекс рассчитывается по формуле средней арифметической взвешенной, меняется в интервале [-2;2], принимает значение от – 2 – «никогда» до 2 – «постоянно»
*Index is calculated by the formula of arithmetic weighted average, it varies in the interval [-2;2], and takes the value from - 2 - “never” to 2 - “constantly”

Таким образом, исходя из полученных данных, у старших групп молодежи (студенты) в целом видна большая, чем у школьников, направленность на взаимодействие с людьми через социальные сети и мессенджеры. Можно сделать вывод о том, что главным мотивом использования социальных сетей и мессенджеров является коммуникативный. Чуть менее выражены деловой, познавательный и рекреативный мотивы. Менее выраженными мотивами в целом являются мотив аффилиации, самопрезентации, самореализации. Относительно коммуникативного мотива стоит отметить, что респонденты в возрасте от 15 до 18 лет чаще респондентов от 19 до 24 лет используют социальные сети и мессенджеры для расширения круга знакомых, что может быть связано с более выраженной потребностью данной возрастной категории в установлении новых социальных связей. При этом в большей степени это характерно для учащихся ссузов. Тем не менее, в целом по массиву социальные сети и мессенджеры используются преимущественно для коммуникации с друзьями и близкими, что подтверждает теорию о том, что социальные сети и мессенджеры чаще используются для сохранения уже существующих связей, а не для установления новых.

Новая среда – новые риски: какие опасности таят социальные сети?

Интернет способствует развитию сетевого общества, которое организует социальные связи посредством медиасетей, замещая или дополняя ими социальные коммуникации «лицом к лицу». С одной стороны, появляются новые возможности для общения, коммуникации, расширения социальных связей и доступа к информации. Цифровые социальные практики создают новые социальные контакты и формы коммуникации (Лига & Щеткина, 2021, с. 33). С другой стороны, у человека появляются не только новые коммуникативные возможности, но и сопутствующие им новые риски, вызванные различными негативными факторами информационного общества (Чванова, 2016, с. 8).

Появление новых рисков симультанно с новыми возможностями для общения и расширением диапазона социальных связей. Противоречивое единство этих событий наиболее продуктивно анализировать с точки зрения антиномического монодуализма. С позиций классической диалектики логично выделять ведущую сторону противоречия. Так, с точки зрения социолога Ульриха Бека, современное общество можно охарактеризовать как общество риска, в котором как субъектом, так и объектом выступает сам человек и его разнообразная деятельность: «Нынешние риски и опасности существенно отличаются от внешне нередко сходных с ними средневековых глобальностью своей угрозы… и современными причинами своего возникновения. Они, в общем и целом, продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться» (Бек, 2000, с. 24).

Проблема рисков вызывала внимание как зарубежных, так и отечественных социологов (Э. Гидденс, М. Кастельс, Н. Луман, О. Н. Яницкий и др.). Г. У. Солдатова выделила 5 групп рисков в онлайн-среде: контентные риски, возникающие при использовании находящихся в Интернете материалов и содержащие противозаконную и вредоносную информацию (насилие, агрессию и т.п.); коммуникационные риски, которые возникают при коммуникации и межличностном взаимодействии пользователей (кибербуллинг); потребительские риски (приобретение товаров низкого качества, подделок и т.п.); технические риски, к которым относятся различного рода вирусы, а также нарушение конфиденциальности, мошенничество и т. п.; риск интернет-зависимости, который выражается в чрезмерном увлечении играми, постоянной потребности в онлайн-коммуникации (Солдатова, 2017, с. 92–95).

Реальность VS виртуальность: может ли виртуальное вытеснить реальное?

Одним из рисков мы полагаем вытеснение реальных контактов виртуальными. Как полагают М. Б. Лига и И. А. Щеткина «В эпоху цифровых технологий усиливается индивидуализм личности, её автономность, что обусловлено общением через интернет, осуществлением профессиональной деятельности с помощью информационных технологий. Современное поколение общается в мессенджерах, соцсетях, которые заменяют личные контакты» (Лига & Щеткина, 2021, с. 35).

Мы уже говорили выше о том, что тотальная цифровизация *антиномично* открывает не только широкий спектр новых коммуникативных и иных возможностей, но и создает ряд рисков. Поэтому одной из задач нашего эмпирического исследования стала оценка масштаба рисков для молодежи, связанных с коммуникациями в цифровой среде.

При взаимодействиях в виртуальной среде нередко можно столкнуться с мошенничеством, шокирующей и фейковой информацией, кибербуллингом. Кроме того, имеет место зависимость, в том числе и от виртуального общения, что может негативно повлиять на коммуникативные навыки учащейся молодежи и нарушить их адаптацию в социуме. Последнее способствует формированию потребности в *иллюзорно-компенсаторных формах общения.*

Важной задачей исследования была оценка степени замещения реальных межличностных взаимодействий школьников, учащихся колледжей и студентов вузов виртуальными. Для этого мы анализировали связь реального и виртуального пространства, а именно, круг общения респондентов и частоту их взаимодействий в реальном и виртуальном мире. Выяснялось наличие зависимости от социальных сетей и мессенджеров, для чего важно было определить приоритеты в пользу социальных сетей и мессенджеров, их недостатки и преимущества, количество времени, проводимое в социальных сетях и мессенджерах в целом и для общения, а также оценить готовность отказаться

от общения в виртуальной среде. Кроме того, анализировалась и самооценка вероятности замещения реального общения виртуальным.

Анализ результатов позволяет предположить, что общение молодежи в виртуальном пространстве обратно пропорционально их встречам с друзьями в реальной жизни, а также времяпрепровождением с семьей.

Для того чтобы проанализировать связь реального и виртуального пространства мы рассматривали круг общения респондентов, а также частоту их взаимодействий. В реальной жизни респонденты имеют чаще всего 1-3 друга (38,26%), практически четверть респондентов имеет 4-6 друзей (26,85%). Больше 9 друзей имеют 19,13% респондентов. Что же касается друзей в виртуальной среде, то чаще всего респонденты имеют 51-100 друзей (35,23%) и меньше 50 (30,87%). От 101 до 300 друзей имеют 28,86% респондентов. Проблема оптимального круга общения издавна интересовала мыслителей. То, что об этом говорил Аристотель, наверное, наилучшее. «Многих или немногих друзей надо иметь?» –вопрошал Аристотель и отвечал: «Вообще говоря, ни многих, ни немногих. Если друзей много, то трудно каждому в отдельности уделять любовь. <…> Но если по бессилию природы любовь окажется недостаточной, это вызовет справедливые нарекания, и такой человек не может быть другом, потому что не любит, а только на словах друг, дружба же этого не терпит. И еще, если друзей будет много, то не будет конца огорчениям. Ведь когда друзья многочисленны, то естественно, что с кем-то одним всегда приключается беда, и огорчение здесь неизбежно. С другой стороны, [нехорошо иметь] немногих друзей – одного или двух, число их должно соответствовать обстоятельствам и стремлению человека к любви» (Аристотель. Большая этика. Соч.: в 4 т. Т.4 / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. - С.373 – 374.) Изобилие дружеских контактов в виртуальной среде (50, 100, 300 друзей) свидетельствует об их поверхностности. Они скорей выступают как плацебо, как иллюзорная компенсация действительного общения «лицом к лицу» и не соответствуют важнейшему принципу культуры общения – *принципу избирательности в общении.*

Большинство респондентов взаимодействуют со своими друзьями в реальной жизни ежедневно (42,52%), при этом в большей степени это характерно для учащихся школ (58,82%), чем для студентов вузов (32,23%) и учащихся ссузов (36,62%) (Таблица 4).

Корреляционный анализ также показал различия по возрасту респондентов. Респонденты от 15 до 18 лет чаще взаимодействуют с друзьями ежедневно (52,50%), чем респонденты 19-24 лет (30,60%). И, напротив, общаются с друзьями несколько раз в месяц в большей степени респонденты от 19 до 24 лет (26,12%), нежели в младшей возрастной категории (3,75%). Из данного анализа можно сделать вывод, что с возрастом респонденты реже могут взаимодействовать с друзьями и близкими в реальной жизни ежедневно. На это может влиять повышенная занятость и дистанцированность. Но только

ли в этом дело? Можно предположить, что для младшей возрастной группы существенное значение имеют не столько информационные компоненты общения, сколько его эмоциональные составляющие. Именно они наилучшим образом реализуются в непосредственном общении.

Table 4. Frequency of respondents' communication with friends in real life, depending on the place of study, in % of respondents

Таблица 4. Частота общения респондентов с друзьями в реальной жизни в зависимости от места обучения, в % от числа ответивших

Частота общения	В целом по массиву:	Место обучения		
		Школа	Ссуз	Вуз
Каждый день	42,52	58,82	36,62	32,23
Несколько раз в неделю	26,19	17,65	36,62	27,27
Один раз в неделю	8,16	11,76	8,45	4,96
Несколько раз в месяц	13,95	5,88	9,86	23,14
Один раз в месяц и реже	9,18	5,88	8,45	12,40
Итого:	100,00	100,00	100,00	100,00

Анализируя частоту взаимодействия с друзьями в виртуальной среде, мы выяснили, что подавляющая доля респондентов общается в социальных сетях и мессенджерах ежедневно (76,03%). Несколько раз в неделю общаются 20,21 % респондентов. Чем старше респонденты, тем реже они взаимодействуют с друзьями в живую, тем интенсивней общение как «субъект-субъектное отношение» трансформируется в «субъект-объектное отношение» – в коммуникацию.

Анализировалось также, скольких из друзей в виртуальной среде респонденты знают лично. Более половины респондентов знают практических всех своих друзей в социальных сетях (55,70%). Четверть респондентов знают абсолютно всех, кого добавляют в друзья (25,17%). Малая доля респондентов знакома только с половиной (13,76%). Это подтверждает теорию М. Кастельса о том, что чаще всего социальные сети и мессенджеры используются для поддержания слабых связей, а не для установления новых.

Еще одним риском тотальной цифровизации может быть зависимость от виртуального общения. Анализируя количество времени, проведенное в виртуальном пространстве за сутки, было выявлено, что респонденты чаще всего проводят там в среднем 4-5 часов в сутки (44,33%). Примерно одинаковая доля респондентов проводит в социальных сетях и мессенджерах 2-3 часа в сутки (19,50%), а также 6-8 часов в сутки (18,44%). Наблюдается связь с возрастом (Таблица 5). Виртуальная коммуникация менее 2 часов чаще встречается у респондентов младшей возрастной группы (37,01%), а 4-5 часов – у старшей (33,08%). Это позволяет заключить, что с увеличением возраста

возрастает и время, которое респонденты тратят на виртуальное общение в сутки.

Table 5. Amount of time allocated for virtual communication per day depending on age, in % of respondents

Таблица 5. Количество времени, выделяемое на виртуальную коммуникацию за сутки в зависимости от возраста, в % от числа ответивших

Количество времени	В целом по массиву:	Возраст	
		15-18	19-24
Менее 2 часов	25,70	37,01	12,31
	42,61	43,51	41,54
4-5 часов в сутки	21,48	11,69	33,08
6-8 часов в сутки	5,28	3,90	6,92
Более 8 часов	4,93	3,90	6,15
Итого:	100,00	100,00	100,00

Важно было также проанализировать, как сетевые онлайн взаимодействия сказываются на повседневной жизнедеятельности респондентов. Мы установили, что 36,91% опрошенных иногда откладывают решение срочных задач в пользу виртуальной коммуникации (Таблица 6). Нарушение баланса более и менее приоритетных форм деятельности чревато погружением в иллюзорно-практическую деятельность. Этому могут быть подвержены с разной степенью частотности все группы респондентов. Никогда с этим не сталкивались лишь 22,15% респондентов, в большей степени это касается школьников (34,31%). Также 16% студентов вузов отметили, что делают это постоянно или часто. Анализируя взаимосвязь с возрастом, можно заметить, что в меньшей степени откладывание срочных дел характерно для младшей возрастной категории (30,25%).

Table 6. Frequency of postponing urgent matters in favor of virtual communication, depending on age, in % of respondents

Таблица 6. Частота откладывания срочных дел в пользу виртуальной коммуникаци в зависимости от возраста, в % от числа ответивших

Частота	В целом по массиву:	Возраст	
		15-18	19-24
Постоянно	6,71	2,47	11,76
Часто	14,77	13,58	16,18
Иногда	36,91	38,27	35,29
Редко	19,46	15,43	24,26
Никогда	22,15	30,25	12,50
Итого:	100,00	100,00	100,00

Были выявлены преимущества социальных сетей и мессенджеров по сравнению с живым общением – и их недостатки. Среди преимуществ большая часть респондентов выделила возможность общаться с друзьями на дальних расстояниях (78,19%), а также поддержание связи с ними (59,06%). Поиск полезной информации в качестве преимуществ также отметили больше половины респондентов (55,70%). Экономию времени в качестве преимуществ отметили 34,90% респондентов. Примерно четверть респондентов считают преимуществом рекреативные возможности, а именно, организацию досуга (27,85%) и способ занять время (25,84%). Меньшая доля отмечала в качестве преимущества возможность расширения круга знакомых (21,48%). Малая доля респондентов считают преимуществом возможность выражать свое мнение (10,40%). Наиболее значимым недостатком для респондентов является фейковая информация (67,79%). Около половины опрошенных указали на большое количество рекламы (52,68%) и мошенничество (51,34%). Почти равное количество респондентов в качестве недостатков отметили, что социальные сети отвлекают внимание (32,89%) и могут вызвать зависимость (28,19%). Примерно четверть опрошенных высказали опасения по поводу повышенного риска травли (кибербуллинга) в общении (23,15%). Лишь небольшая доля респондентов полагает, что использование социальных сетей может препятствовать живому общению (3,36%). Это может свидетельствовать о том, что респонденты либо в равной степени активно общаются как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве, либо не считают проблемой общение преимущественно в онлайн среде.

При анализе ответов на вопрос о предпочтительных способах взаимодействия выяснилось следующее: большинство респондентов (48,65%) указали, что для них не имеет значения, где происходит общение (онлайн или офлайн). Корреляция с возрастом также показывает, что с увеличением возраста молодых людей становится менее проблематичным ограничение реального общения (Таблица 7).

Table 7. Significance of the problem of limitation of real communication depending on age, in % of the number of respondents

Таблица 7. Значимость проблемы ограничения реального общения в зависимости от возраста, в % от числа ответивших

Проблематичность	В целом по массиву:	Возраст	
		15-18	19-24
Является серьезной проблемой	14,13	22,73	6,62
Это немного проблематично	40,28	42,21	33,14
Совсем не проблематично	45,58	35,06	60,24
Итого:	100,00	100,00	100,00

Также мы выяснили, предпринимают ли респонденты попытки по ограничению виртуального общения. Так, было выяснено, что большинство респондентов не ограничивают виртуальную коммуникацию (73,54%). Лишь малая доля респондентов предпринимала успешные попытки по ограничению общения (13,40%). Распределение по возрасту показало, что чаще остальных групп попытки по ограничению виртуального общения предпринимали респонденты от 15 до 18 лет (20,62%). Большая доля респондентов, не ограничивающих коммуникацию в виртуальной среде, дает возможность предположить, что большинство респондентов могут бесконтрольно общаться в социальных сетях и не считают это проблемой.

Среди причин ограничения виртуального общения респонденты чаще всего называли нежелание тратить на это свободное время (60,67%), опасения утечки личной информации (41,57%). Треть респондентов предпочитают общение в реальной жизни (33,71%), причем это в большей степени характерно для школьников (40,82%), чем для студентов вузов (29,41%). Примерно четверть респондентов опасаются мошенничества (25,84%), а также травли при общении (23,60%). Такая причина, как нежелание тратить на это свободное время, чаще выбиралась студентами вузов (82,35%). Что касается возрастных различий, то практически все вышеперечисленные причины чаще выделяли респонденты от 15 до 18 лет, чем респонденты от 19 до 24 лет, но нежелание тратить на это свободное время более характерно для старшей возрастной группы (86,67%).

Можно заметить, что немалую долю в ответах занимают такие причины как мошенничество, нарушение конфиденциальности, травля. В данном исследовании мы подробнее анализировали различные опасения респондентов, связанные с межличностным взаимодействием в виртуальном пространстве. Анализ показал, что чаще всего респонденты опасаются утечки личной информации (57,77%) (Таблица 8).

Table 8. Reasons for limiting virtual communication*

Таблица 8. Причины ограничения виртуальной коммуникации*

Причины	**Число ответивших**	**% от числа ответивших**
Не хочу тратить на это свободное время	54	60,67
Опасаюсь утечки личной информации из чатов	37	41,57
Предпочитаю общение в реальной жизни	30	33,71
Опасаюсь мошенничества	23	25,84
Опасаюсь травли при общении	21	23,60
Итого:	77	185,39

*Возможен выбор нескольких вариантов ответа
*Multiple answer choices are possible

Почти половина опрошенных (49,32%) опасаются столкнуться с мошенничеством в сети. Треть респондентов беспокоит угроза нарушения конфиденциальности (34,46%), а четверть (26,01%) – получения ссылок с вирусами (26,01%). Немногим меньшая доля (23,31%) респондентов ощущает опасения из-за искаженного восприятия слов собеседником. В этом контексте проявляется антиномическая двойственность отношения «я – ты», раскрытая С. Л. Франком. Амбивалентность «Я–Ты отношения» антиномично сочетает в себе как отрицательные, так и положительные установки на взаимодействие: угрозу и привлекательность (Франк,1990, с. 347–386). Как часто это бывает в виртуальном пространстве сети, данная особенность многократно усиливается. Лишь небольшая часть респондентов (10,47%), отметила страх зависимости от социальных сетей и мессенджеров. А еще меньшая (5,74%) – ухудшения навыков живого общения.

Что касается мошенничества, то на практике респонденты сталкиваются с ним не так уж часто (41,84%). Чуть больше четверти (27,55%) сталкиваются с мошенничеством иногда и еще меньшая доля (19,39%) – часто.

Обсуждение и выводы

Представленные данные позволяют говорить о том, что под влиянием цифровизации вектор общения смещается в онлайн-пространство, где главным мотивом использования социальных сетей и мессенджеров является коммуникативный. Социальные сети и мессенджеры необходимы, преимущественно, для общения с друзьями и близкими, а онлайн-пространство служит для сохранения уже существующих связей, а не для установления новых.

Несмотря на то, что виртуальная коммуникация не является приоритетной для респондентов по сравнению с живым общением, ограничение общения в реальной жизни, как правило, не вызывает у респондентов серьезного беспокойства. В целом молодежь не оценивает степень зависимости от виртуальных взаимодействий, а также приоритетность коммуникации в виртуальной среде как высокие. Тем не менее, для всех всё же весьма важно наличие функций, позволяющих коммуницировать с людьми в онлайн-пространстве.

В условиях дефицита живого взаимодействия люди всё чаще обращаются к цифровым технологиям как средству его компенсации и поиска экзистенциального смысла общения.

Современные технико-технологические изменения (например, интенсивное развитие мобильных устройств и высокоскоростных коммуникаций) существенно влияют на жизнь людей. Благодаря этим технологиям человек создаёт себе альтернативу реальной природе – цифровое пространство, где общение дополняет реальные взаимодействия. В современной гуманитаристике зачастую высказываются антиномические суждения относительно

социальных последствий общения в сети. Одни сосредоточили внимание на негативных последствиях виртуальных взаимодействий, другие абсолютизируют достоинства и эвристические возможности сетевого общения. И антиномия эта не является сугубо гносеологической. Она носит жизненный, онтологический характер и укоренена в самой реальности. В современных условиях не может быть осуществлен теоретический синтез указанных противоположностей. Была бы неверной попытка поглощения одной стороны противоречия другой. Наиболее аутентичным подходом выступает антиномическая диалектика с ее «витанием» над противоположностями.

Если говорить о рисках онлайн-общения, то наиболее распространенными рисками оказались технические риски, а именно, утечка личной информации (персональных данных) и мошенничество. Наименьшее беспокойство вызывают коммуникационные риски и риск интернет-зависимости (онлайн-аддикция).

Таким образом, из результатов проведенного исследования очевидно, что общение в сети исследованного контингента происходит в режиме прямой компенсации и не оказывает заметного вредоносного влияния на их коммуникативный мир. Между тем, антиномическое рассмотрение сетевой коммуникации позволяет обнаружить латентные предпосылки декомпенсаторных процессов, которые могут при определенных условиях разрастаться. Это происходит тогда, когда общение в сети рассматривается как панацея от одиночества, или универсальное средство от него.

Список литературы

Marquard, O., Ritter, J., & Gründer, K. (1976). *Historisches Wörterbuch der Philosophie [Historical Dictionary of Philosophy]*. Schwabe. (In German).

Андреева, Г. М., & Яноушек, Я. (1987). *Общение и оптимизация совместной деятельности*. МГУ.

Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Художественная литература.

Бек, У. (2000). *Общество риска: На пути к другому модерну*. Прогресс-Традиция.

Бодалев, А. А. (1983). *Личность и общение*. Педагогика.

Бубер, М. (1922). *Я и Ты*. б. и.

Василенко, Л. А., & Мещерякова, Н. Н. (2021). *Социология цифрового общества*. Томский политехнический университет.

Вышеславцев, Б. П. (1982). *Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм*. Chalidze publications.

Гладышев, В. И. (1999). *Компенсаторное общение: Социально-философский анализ*. Банк культурной информации.

Гладышев, В. И., Миляева, Е. Г., & Пеннер, Р. В. (2022). Человек в сети: Одиночество и общение. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы Визуальной Семиотики*, 4, 63–81. https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-4-63-81

Гостев, А. Н., & Белоус, О. В. (2019). Исследование современного коммуникативного дискурса пользователей сети «Интернет» в рамках рефлексивной деятельностноструктурной теории коммуникативного действия Юргена. *Цифровая Социология*, 2(1), 24–30.

Жигульский, К. (1985). *Праздник и культура*. Прогресс.

Жукова, М. В., & Крюков, Д. В. (2022). Современный тренд развития экономики и общества: Цифровое общество как особая стадия информационного общества. *Society and Security Insights*, 5(2), 120–139. https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-08

Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. У-Фактория.

Кибакин, М. В., & Гришаева, С. А. (2019). Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: Переосмысление научных концепций. *Цифровая Социология*, 2(1), 4–9. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-4-9

Кузнецов, О. Н., & Лебедев, В. И. (1972). *Психология и психопатология одиночества*. Медицина.

Лига, М. Б., & Щеткина, И. А. (2021). Человек в эпоху цифровизации общества. *Гуманитарный Вектор*, 16(2), 29–38. https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38

Маклюэн, М. (2003). *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Кучково поле.

Парыгин, Б. Д. (1999). *Анатомия общения*. Михайлова В. А.

Солдатова, Г. У. (2017). *Цифровое поколение России: Компетентность и безопасность*. Смысл.

Тернер, В. (1983). *Символ и ритуал*. Наука.

Франк, С. Л. (1990). *Непостижимое*. Правда.

Халин, В. Г., & Чернова, Г. В. (2018). Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: Преимущества, вызовы, угрозы и риски. *Управленческое Консультирование*, 10, 46–63. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63

Чванова, М. С., Храмова, М. В., Слетков, И. А., Киселева, И. А., Молчанов, А. А., & Котова, Н. А. (2016). Исследование влияния Интернета на социальные потребности пользователей. *Вестник Тамбовского Университета. Серия Гуманитарные Науки*, 21(12), 7–25. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-7-25

Черных, С. С., Воденко, К. В., Коваленко, А. М., & Чернов, И. В. (2019). Демонстративное потребление молодежи в условиях экспансии информационного общества и глобальной цифровизации. *Гуманитарий Юга России*, 8(5), 179–189. https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.5.15

References

Andreeva, G. M., & Janousek, J. (1987). *Communication and Optimization of Joint Activity*. MSU. (In Russian).

Bakhtin, M. M. (1990). *The Creativity of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance*. Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Beck, W. (2000). *Risk Society: Toward another Modernity*. Progress-Tradition. (In Russian).

Bodalev, A. A. (1983). *Personality and Communication*. Pedagogy. (In Russian).

Buber, M. (1922). *I and Thou*. (In Russian).

Castells, M. (2004). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society.* U-Factoria. (In Russian).

Chernykh, S. S., Vodenko, K. V., Kovalenko, A. M., & Chernov, I. V.. (2019). Demonstrative Youth Consumption in the Context of the Expansion of the Information Society and Global Digitalization. *Humanities of the South of Russia*, 8(5), 179–189. https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.5.15 (In Russian).

Chvanova, M. S., Khramova, M. V., Sletkov, I. A., Kiseleva, I. A., Molchanov, A. A., & Kotova, N. A. (2016). The Research of the Internet on Socials Needs of Users. *Tambov University Review: Series Humanities*, 21(12), 7–25. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-7-25 (In Russian).

Frank, S. L. (1990). *The Incomprehensible*. Pravda Publ. (In Russian).

Gladyshev, V. I. (1999). *Compensatory Communication: A Socio-Philosophical Analysis*. Cultural Information Bank. (In Russian).

Gladyshev, V. I., Milyaeva, E. G., & Penner, R. V. (2022). A Person on the Web: Loneliness and Communication. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 4, 63–81. https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-4-63-81 (In Russian).

Gostev, A. N., & Belous, O. V. (2019). Research of a Modern Communicative Discourse of Users of the Internet Network Within the Reflexive Activity and Structural Theory of Communicative Action of Jurgen Habermas. *Digital Sociology*, 2(1), 24–30. (In Russian).

Jukova, M. V., & Kryukov, D. V. (2022). Modern Trend in the Development of the Economy and Society: Digital Society as a Special Stage of the Information Society. *Society and Security Insights*, 5(2), 120–139. https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-08 (In Russian).

Khalin, V. G., & Chernova, G. V. (2018). Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. *Administrative Consulting*, 10, 46–63. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63 (In Russian).

Kibakin, M. V., & Grishaeva, S. A. (2019). The Current Problems of the Digital Reflection of Social Reality: Rethinking Scientific Concepts. *Digital Sociology*, 2(1), 4–9. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-4-9 (In Russian).

Kuznetsov, O. N., & Lebedev, V. I. (1972). *Psychology and Psychopathology of Loneliness.* Medicine. (In Russian).

Liga, M. B., & Shchetkina, I. A..(2021). A Man in the Era of Digitalization of Society. *Humanitarian Vector.*, 16(2), 29–38. https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38 (In Russian).

Marquard, O., Ritter, J., & Gründer, K. (1976). *Historisches Wörterbuch der Philosophie [Historical Dictionary of Philosophy]*. Schwabe. (In German).

McLuhan, H. M. (2003). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Kusckovo Pole. (In Russian).

Parygin, B. D. (1999). *Anatomy of Communication*. Mikhailova, V. A. (In Russian).

Soldatova, G. U. (2017). *Russia's Digital Generation: Competence and Security*. Smysl. (In Russian).

Turner, V. (1983). *Symbol and Ritual*. Nauka. (In Russian).

Vasilenko, L. A., & Mescheryakova, N. N. (2021). *Sociology of Digital Society*. Tomsk Polytechnic University. (In Russian).

Vysheslavtsev, B. P. (1982). *The Crisis of Industrial Culture. Marxism, Neo-Socialism, Neoliberalism*. Chalidze Publications. (In Russian).

Zhigulsky, K. (1985). *Celebration and Culture*. Progress. (In Russian).